

Война глазами детей

Ведущий: Большая победа в Великой Отечественной войне складывалась из побед и успехов каждого ее участника. Целое поколение детей выросло в это нелегкое время. Многие из них сражались с врагами наравне со взрослыми. Теперь это наши бабушки и дедушки. И дай Бог, чтобы нам никогда не пришлось испытать того, через что прошли они.

Звучит метроном.

Ведущий: Война... Это страшное слово никогда не изгладится из людской памяти. Невыносимо трудно было всем – и старым, и малым, и солдатам, и их близким. Особенно страдали дети. От голода и холода, от невозможности вернуться в детство, от крошечного ада бомбежек и страшной тишины сиротства... Сегодня дети войны – это наши дедушки и бабушки, и их память хранит события военных лет. Что же именно они помнят? О чем могут рассказать нам?

Первый чтец (*читает отрывок из стихотворения Ю. Друниной “Я родом из детства”*):

Для меня война – не чей-то сказ,
Не воспоминания старух:
Страх навис над детским глазом,
Напитался ужасами слух.
Ощутила я дыхание зла,
Я войне все детство отдала.

Звучит фрагмент из “Адажио” Т. Альбиони. На экран проецируются слайды с фотографиями военных лет.

Второй чтец: Двадцать второго июня война застала меня в пионерском лагере на берегу Балтийского моря, в Паланге. Под утро, часа в четыре, раздался страшный гром, посыпались стекла. Босиком я выбежала на улицу. На площади перед домом лежал человек. Это был наш вожатый. Кругом все полыхало.

На земле лежал мальчик, у него не было головы. Кругом стреляли, горели дома. Некоторые ребята прыгали из окон второго этажа. Было много раненых и убитых. Мы не понимали, что происходит, не знали, куда бежать, прятались за деревья, падали на землю. Потом нас вывезли из лагеря на автобусе, а дальше мы шли пешком, усталые, раздетые, в одних нижних рубашках. Нас подобрала красноармейцы. Они где-то раздобыли для нас платья и обувь, накормили нас.

Третий чтец: Мы рано и быстро повзрослели. Не детская это ноша – война, а нам она досталась сполна. Мы, дети своего народа, не склонили головы перед жестоким врагом, познав тяжелую науку ненависти.

Четвертый чтец (*читает стихотворение С. Михалкова “Десятилетний человек”*):

Крест-накрест синие полосы
На окнах съезжившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.
Накинув старый зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу прямо на восток.
Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.
Все видевший, на все готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый

Десятилетний человек.
Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его как друга в темный вечер
Окликнет русский часовой.

И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза.
За эти месяцы страдания,
Которые равны годам...
Но ты, фашистская Германия,
За все сполна ответишь нам!
Детоубийцы и грабители,
Вам ничего не скрыть вовек!
Он будет первым обвинителем –
Десятилетний человек!

Хор исполняет песню В. Егорова “Панамки”.

На полянке детский сад:
Чьи-то внуки, чьи-то дочки,
И панамки их торчат,
Словно белые грибочки.
Ах, какая благодать!
Небеса в лазурь оделись,
До реки – рукой подать...
До войны – одна неделя.
Вой сирены. Ленинград.
Орудийные раскаты.
Уплывает детский сад
От блокады, от блокады.
А у мам тоска-тоской

По Илюшке и по Нанке,
По единственной такой
Уплывающей панамке.
Кораблю наперерез
Огневой исчадьей ада
“Мессершмитта” черный крест

Воспарил над детским садом.
На войне – как на войне:
Попадание без ошибки.
...А панамки на волне,
Словно белые кувшинки.
Боже правый, неужель
Это снова повторится?!
Боже правый, им уже
Было б каждому за тридцать!..
Тот же луг... и та река...
Детский щебет на полянке...
И несутся облака,
Словно белые панамки.

Звучит фрагмент из “Симфонии № 7” Л. Бетховена.

Пятый чтец: Детей, потерявшихся или оказавшихся под обстрелами фашистских снарядов, начали эвакуировать вглубь страны. Нас собирали на дорогах, на улицах, сажали в поезда и везли на Урал, в города и села, находившиеся на востоке.

Шестой чтец (*читает отрывок из стихотворения Г. Горбовского “Беженцы”*):

Куда они шли – неизвестно,
Но знали, что шли на восток.
О, лямок знамения крестные,
О, пыль вековая у ног.

Канавы им были диванами,
Гостиницей были леса.
Над ними лохматились рваные,
Пробитые сплошь небеса.

Ведущий: Бесконечные вереницы взрослых и детей двигались на восток нескончаемым потоком. Обездоленные, измученные, они шли по своей земле,

спасаясь от свиста снарядов и грохота взрывов. Шли в надежде на то, что теплые руки Родины примут их и помогут преодолеть все лишения.

А каково было тем, кто ехал в обратную сторону, туда, где обещанный врагом рай превратится в сплошной ад и без пощады растопчет их тела и души. Освенцим, Майданек, Бухенвальд, Саласпилс были оснащены газовыми камерами и крематориями. Фашисты отправляли наших женщин и детей в ад печей и душегубок.

Звучит фрагмент из “Адажио” Т. Альбиони.

Седьмой чтец: Мне было всего три года. Прошное помню отдельными картинками... Отец в офицерской форме, мама в белом халате... Она работала в госпитале.

Мы на нарах в каком-то длинном то ли доме, то ли сарае. Все время хотелось есть, я сосал пуговицы на рубашке – они были похожи на леденцы, которые привозил отец.

Еще картинка. Какой-то мужчина запихивает нас с братом в угол нар, накрывает одеялом, забрасывает тряпками. Потом брат рассказывал мне, что мы оказались в концлагере, там у детей брали кровь для немецких солдат. Взрослые нас прятали, но однажды я заплакал – и нас нашли. Открываю глаза – возле нас стоит женщина в белом халате. Мама?! Она гладит меня по руке. Вдруг – острая боль, под кожу вонзается игла. Теряю сознание. Потом прихожу в себя – рядом со мной сидит тот самый мужчина, который нас прятал.

– Так в белом халате была не мама?..

– Нет. Дальше ничего не помню: кто и как спас нас в лагере, как мы с братом оказались в детдоме...

Ведущий: До сих пор душу пробирает холод, когда вспоминается плакат: детское сердце с аккуратным кружком в самом центре. Подпись обещает эсэсовцу, который будет метко стрелять и попадет ребенку точно в сердце, дополнительный отпуск...

Восьмой чтец (*читает отрывок из стихотворения М. Джалиля “Варварство”*):

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли кучка дикарей –
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Детей внезапно охватил испуг –
Прижались к матерям, цепляясь за подолы.
И выстрела раздался звук,
Прервав проклятье, что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку прятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
– Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать!
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи –
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
– Я, мама, жить хочу! Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? –
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
– Не бойся, мальчик мой. Сейчас
Вздохнешь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи! Сейчас не будет больно.
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь.
Две жизни – и одна любовь.

Звучит фрагмент из “Адажио” Т. Альбиони.

Девятый чтец (*читает отрывок из стихотворения М. Джалиля “Варварство”*):

Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда вовеки!
Я видел плакали, как дети, реки,
И в ясности рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...

Десятый чтец (*читает отрывок из стихотворения О. Шестинского “Ленинградская лирика”*):

Нет, я в детстве не был,
Я сразу в мужество шагнул,
Я молча ненавижу небо
За черный крест, за смертный гул.
Я песни пел, осколки собирал,
В орлянку меж тревогами играл.
А если неожиданный налет,

А если в расписаньи мой черед,
То, с кона взяв поставленный пятак,
Я шел с противогазом на чердак.
А было мне всего тринадцать лет...

Исполняется песня “Ленинградцы”, музыка И. Шварца, слова В. Коростылева.

В далеком тревожном военном году,
Под гром батарей, у страны на виду,

Стояли со взрослыми рядом
Мальчишки у стен Ленинграда.
На парте осталась раскрытой тетрадь –
Не выпало им дописать, дочитать,
Когда навалились на город
Фугасные бомбы и голод.
И мы никогда не забудем с тобой,
Как наши ровесники приняли бой.
Им было всего лишь тринадцать,
Но были они – Ленинградцы!

Ведущий: Мрачные каменные своды нависают над небольшим помещением, которое лишь чуть освещено свечой. А наверху, совсем близко – фашисты. Но дети стараются забыть об этом, погружаясь в тот волшебный мир, куда ведет их бледная, исхудавшая учительница. Как мучителен голод. Дети падают в обморок, а холод студит их руки и ноги.

Одиннадцатый чтец (*читает отрывок из стихотворения Ю. Воронова "В школе"*):

Девчонка руки протянула
И головой на край стола...
Сначала думали – уснула,

А оказалось – умерла...
Никто не обронил ни слова,
Лишь хрипло сквозь метельный стон
Учитель выдавил, что снова
Занятия – после похорон.

Двенадцатый чтец (*читает стихотворение Ю. Друниной "Качается рожь несжатая"*):

Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней.

Шагаем и мы, девчата,
Похожие на парней.
Нет, это горят не хаты –
То юность моя в огне.
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

Ученики исполняют песню “Ровесницы наши” (слова Михатла Пляцковского, музыка Юрия Чичкова,).

Ровесницы наши со школьной скамьи
Когда-то под пули шагнули в бои,
И тяжесть войны, что бедой обожгла,
На плечи тех школьниц вчерашних легла.

Припев:

Ровесницы наши, девчонки поры огневой,
Вы сделали столько, чтоб мир засиял синевой!

Вы в праздник Победы не все,
Не все станцевали свой вальс,
О подвиге вашем мы знаем и помним о вас!
Ровесницы наши просились на фронт –
Туда, где в полнеба пылал горизонт.

Спешили попасть поскорее в санбат,
Спасали от ран умиравших солдат.

Припев

Ровесницы наши прошли всю войну –
И нам подарили полей тишину.
На их волосах ранний снег седины
Не тает, как память далекой войны.

Припев

Ведущий: Дети были рядом со взрослыми в подпольных организациях и партизанских отрядах, вместе с ними входили в освобожденные от фашистской нечисти города.

Исполняется сценка из повести В. Катаева “Сын полка” – разговор Вани Солнцева с деревенским мальчиком об ордене.

Тринадцатый чтец (*читает стихотворение С. Орлова*):

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.
Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году.

Ведущий: Сердца не могут вместить всей любви и благодарности к поколению, спасшему нас. Чем больше отдаляет нас время от тех событий, тем острее осознаем мы цену победы. Шестьдесят миллионов погибших на войне. Среди них те, кто четыре года изо дня в день поднимались в бой “ради жизни на земле”. Весь путь к Победе отмечен безымянными могилами, скромными обелисками и величественными памятниками воинам-освободителям.

Хор исполняет песню “Алеша”, музыка Э. Колмановского, слова К. Ваншенкина.

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша,

Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша –
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
По-прежнему горько,
И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги.
Из камня его гимнастерка,
Его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною ношей,
Под страшною ношей,
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот – Алеша,

Алеша, Алеша,
Но то, что вот этот – Алеша,
Известен Болгарии всей.

К долинам, покоем объатым,
Покоем объатым,
К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девочкам,
Девчатам, девочкам,
Цветов он не дарит девочкам –
Они ему дарят цветы.

Привычный, как солнце и ветер,

Как солнце и ветер,
Привычный, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,
Стоит он над городом этим,
Над городом этим,
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша,
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша –
В Болгарии русский солдат.

Ведущий:

Потертые джинсы, челка до глаз,
Западной моды пленники,
Огни дискотек, хип-хоп, рок и джаз –
Это я и мои современники.
Но вы не волнуйтесь:
Полет мечты высок в ежедневной полемике,
На братских могилах живые цветы
От меня и моих современников.
И если услышим мы звуки набата,
Снимем прически-веники,
Сменим джинсы на форму солдата
Я и мои современники.